

ЛИТЕРАТУРА

Бекетова Н.А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах (на материале суффиксальных имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2014.

Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984.

Виноградова В.Н. Стилистические средства словообразования // Стилистические исследования. – М., 1972.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992.

Москвин В.П. Макароническая речь: история и типология // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 2011. – № 5.

Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М., 1971.

Мучник И.П. Глава вторая. Формирование особого подкласса существительных общего рода // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М., 1968.

Русская разговорная речь. – М., 1981.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.

Ἀριστοτέλους τέχνης ρητορικῆς // Aristotelis opera omnia: graece et latine. – Parisiis, 1848. – Vol. I.

Aristotelis De rhetorica libri tres. – Oxonii, 1833.

Δημητρίου Φαληρέως περί Ἑρμηνείας. – Glasguae, 1743.

Γρύφωνος. Περὶ τρόπων // Rhetores graeci / Ex recognitione Leonardi Spengel. – Lipsiae, 1856. – Vol. III.

Л.Л. ШЕСТАКОВА,
А.С. КУЛЕВА

Москва

Слова редкого употребления в поэзии О. Мандельштама

(Из опыта наблюдений)

Редкие слова в произведениях О. Мандельштама рассматриваются на основе данных «Словаря языка русской поэзии XX века». Анализируются лексемы единичного употребления — устаревшие, специальные, стилистически окрашенные и др.

Ключевые слова: *редкие слова; словарь поэтического языка; устаревшие слова; термины; стилистически окрашенная лексика; имя собственное.*

Лексикон любого писателя, поэта включает в себя единицы, разные по языковым свойствам и степени употребительности. Определенную его часть составляют редкие слова, к которым обычно относят лексемы низкочастотные, непонятные или не вполне понятные современному носителю языка. Создание словарей редких слов — это заметная тенденция в современной лексикографии (см.: [Карпова 2012; Шестакова 2013]). В словарях этого типа систематизируются устаревшие, забытые, малоизвестные и т.п. слова, в том числе выбранные из

произведений конкретных авторов [Редкие слова 1997; Иллюстрированный словарь 1998; Рогожникова, Карская 2005; Сомов 2006; Бахвалова, Попова 2007; Гусева 2007 и др.].

Лексемы ограниченного употребления фиксируются не только в словарях типа глоссариев. Большой пласт таких единиц аккумулирует в себе сводный «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП). Материалом для Словаря, объединяющего в себе черты регистрирующего и объяснительного справочников, послужило творчество десяти русских поэтов, в число которых вошел и Осип Мандельштам.

Поэтический язык Осипа Мандельштама в лексикографическом отражении выглядит, казалось бы, не так ярко, как, например, язык Цветаевой или Хлебникова. Можно сказать, что своеобразие

Шестакова Лариса Леонидовна, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: lara.shestakova@mail.ru

Кулева Анна Сергеевна, кандидат филол. наук, научный сотрудник ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: an.kuleva@gmail.com

мандельштамовской поэзии особенно хорошо видно на уровне текста, а не слова. Однако и словоупотребление в творчестве поэта весьма примечательно.

По употребительности редких слов Мандельштам тяготеет к таким поэтам, как Анненский, Есенин, Кузмин и Хлебников; предсказуемо большая доля редких единиц отмечается в языке Цветаевой, Пастернака и Маяковского, а минимальная – у Блока и Ахматовой. При этом для Мандельштама характерно немалое число слов, которые встречаются из десяти поэтов только у него и не единжды (это объясняется, в частности, наличием одного и того же слова в вариантах стихотворения).

Наблюдения над лексемами единичного употребления у Мандельштама позволяют группировать их по признакам устарелости, новизны, стилистической окрашенности, принадлежности к специальным сферам и т.д. Причем этот материал подтверждает вывод С.С. Аверинцева о том, что «Мандельштам избегает слов, чересчур бросающихся в глаза: у него нет ни разгула изысканных архаизмов, как у Вячеслава Иванова, ни нагнетания вульгаризмов, как у Маяковского, ни обилия неологизмов, как у Цветаевой и особенно у Хлебникова, ни наплыва бытовых оборотов и словечек, как у Кузмина и Пастернака» [Аверинцев 1990: 14].

Прежде всего выделяется группа наиболее типичных редких лексических единиц – устаревших слов. В их числе мало историзмов – это, например, *повытчик* (должностное лицо, ведавшее делопроизводством в повытье – специальном отделении государственного приказа) в стихотворении «Дикая кошка, армянская речь...»:

Пропадом ты пропади, говорят,
Сгинь ты навек, чтоб ни слуху, ни духу, –
Старый *повытчик*, награбив деньжат,
Бывший гвардеец, замыв оплеуху.

Чаще находим архаизмы – разные по механизму устаревания и времени слова, преимущественно существительные (конкретные и абстрактные) и прилагательные: *аквариий* (аквариум), *вежество* (ученость, знание), *вертоград* (сад, ви-

ноградник), *журьба* (легкий выговор, укор), *излог* (лог, ложбина, долина), *индейский* (устар. вариант к индийский; ср.: *Как досталась... / Красота такая галочья / От индейского раджи, от раджи*), *ледяный* (ледяной), *ночевье* (устар. и обл. ночевка), *одышливый* (страдающий одышкой), *первины* (первые плоды урожая; что-л. первое, новое), *повапленный* (страд. прич. прош. от устар. *повапить* – покрасить; встречается в сочетании *повапленные гробы*¹), *предстательство* (ходатайство, заступничество) и *предстательствовать* (ходатайствовать, заступаться), *сантиментальный* (сентиментальный), *стклянка* (склянка), *шифоньерка* (шкафчик для хранения белья и мелких вещей) и т.д.; ср. и использованную поэтом форму *емлет* (3-е лицо ед. число наст. времени глагола *имать* – брать) в стихотворении «Флейты греческой тэта и йота...»:

Звонким шопотом честолюбивым,
Вспоминающих топотом губ
Он [флейтист] торопится быть
бережливым,
Емлет звуки – опрятен и скуп.

Текстовый анализ показывает функциональную значимость архаизмов у поэта. Так, Мандельштам часто ставит их в сильную позицию конца строки, нетривиально рифмуя²:

¹ Сочетание происходит от евангельского сравнения лицемеров с «гробами повапленными», которые «снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23, 27). У Мандельштама встречается в стихотворении «Где ночь бросает якоря...»: *Для вас потомства нет – увь! – / Бесплолая владеет вами злоба, / Бездетными сойдете вы / В свои повапленные гробы...*

² В словарных статьях используются следующие основные сокращения: *книжн.* – книжное, *к-рый* – который, *нов.* – новое, *обращ.* – обращено, *прил.* – прилагательное, *прост.* – просторечное, *разг.* – разговорное, *ср.* – сравните, *устар.* – устарелое, *шутл.* – шутливо, *ib.* – *ibidem* (там же). Каждый контекст сопровождается шифром, включающим сокращение имени и фамилии *Осип Мандельштам (ОМ)*, год написания произведения, страницу в указанном издании сочинений поэта. В отдельных словарных статьях приведены строки Блока (сокращенно – *АБ*), Пастернака (*П*), Цветаевой (*Цв*).

БАВИЛОНЫ [*устар. разг.*; узор в виде извилин] Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый, Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны. *ОМ930 (161.2)*

ЛЖА [*устар.*; ложь] Ночь на дворе. Барская лжа: После меня хоть потоп. Что же потом? Хрип горожан И толкотня в гардероб. *ОМ931 (170.2)*

ОБРЫВЧИВ [*устар.*; склонен обрывать, обрываться] И двойного запаха сладость неуживчива: Борется и тянется – смешана, обрывчива. *ОМ937 (257)*.

Акцентированию устаревших слов способствуют и введенные в текст однокоренные слова, как, например, в стихотворении «О, этот медленный, одышливый простор!..»:

О, этот медленный *одышливый* простор! –
Я им пресыщен до отказа, –
И *отдышавшийся* распахнут кругозор –
Повязку бы на оба глаза!

Некоторые архаизмы у Мандельштама сближают его с другими поэтами. Так, в строках 1910-х гг. встречается книжный по своей окраске глагол *витийствовать*, в том числе в дееспричастной форме. К этому же периоду относится использование Цветаевой слова *витийство*, а Блоком – *вития*:

ВИТИЙСТВО [*устар.*] Чревоушение – девизы – Витийства – о, король плутов! *Цв614 (III, 7)*

ВИТИЙСТВОВАТЬ [*устар.*] И думал я: витийствовать не надо. Мы не пророки, даже не предтечи, Не любим рая, не боимся ада. *ОМ912 (82)*

ВИТИЙСТВУЯ [*устар.*] И море, и Гомер – все движется любовью. Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит, И море черное, витийствуя, шумит И с тяжким грохотом подходит к изголовью. *ОМ915 (104.2)*

ВИТИЯ [*устар.*; оратор] А это кто? – Длинные волосы И говорит вполголоса: – Предатели! – Погибла Россия! Должно быть, писатель – Вития. *АБ918 (III.347)*.

Отгалкиваясь от такого значения прилагательного *редкий*, как ‘не часто или мало встречающийся, необычный’ [МАС, III: 696], можно, с некоторой долей условности, отнести к редким словам авторские новообразования, например: *Петропавловск-Дусима, писатель-гоголёк* (об Андрее Белом, ср. *Гоголь, плуг-исполн, пол-*

разговорца, полу-берег, полу-город, полупочтенный, примусиный (прил. к *примус*), *Психея-жизнь, пулеметно-бревенчатый* и др.

Как видно, среди приведенных новообразований отмечаются слова с первой частью *пол(у)-*, что обнаруживает сходство Мандельштама с Хлебниковым (*полугреясь, полупение*) и Ахматовой (*полукраден*). Для Мандельштама появление таких неологизмов не случайно. В стихотворении «Мастерица виноватых взоров...» встречается слово *полухлеб*:

Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры: на, возьми!
Их, бесшумно охающих ртами,
Полухлебом плоти накорми.

Это редкое старое слово, означающее хлеб небольшого размера, небольшой хлеб, что хорошо согласуется с общей семантикой стихотворения:

Маленьких держательница плеч,
В теплом теле *ребрышки* худые,
Маком *бровки* мечен путь опасный,
Этот *крошечный*, летуче-красный,
Этот жалкий *полумесяц* губ.

Продолжая неологическую линию, отметим, что в стихах Мандельштама встречаются лексемы, не новые с точки зрения индивидуально-авторского словотворчества, но ставшие новыми в языке поэзии. Это обозначения, отражающие актуальные для того времени явления в области социально-политической жизни, техники, быта, например:

РЕПОРТЕР Я к воробьям пойду и к репортерам, Я к уличным фотографам пойду, – И в пять минут – лопаткой из ведерка – Я получу свое изображение. *ОМ931 (178)*

СОДА-ВИСКИ [виски с содовой водой] Сияет стойка красным лаком, И дразнит сода-виски форт: Кто незнаком с буфетным знаком И в ярлыках не слишком тверд? *ОМ913 (291)*

ЧЕРНОРУБАШЕЧНИКИ [вооруженные отряды фашистского движения в Италии в период между Первой мировой войной и до конца Второй мировой войны] Из проулков и из сквозняков, – Превратили в убийства питомник Вы, коричневой крови наемники, Итальянские чернорубашечники, Мертвых цезарей злые щенки... *ОМ937 (250)*

ЧЕМЧУРА [или чумчура, чурара – частушечный припев, популярный в 1920-е гг.] За Паганини длиннопалым Бегут цыганскою гурьбой – Кто с чохом чех, кто с польским балом, А кто с венгерской чемчурой. *ОМ935* (213.2).

Отдельную группу редких номинаций образует у Мандельштама терминологическая лексика, неоднократно привлекавшая внимание исследователей (из последних работ см., например: [Литвина, Успенский 2012]). Среди специальных слов единичного употребления отмечаются термины разных областей знания и сфер деятельности (архитектурные, биологические, геологические, филологические, музыкальные и др.): *аорист* (особая форма прош. времени глагола в греческом и некоторых других языках), *апсида* (алтарный выступ храма, ориентированный на восток), *гнейс* (горная кристаллическая порода) и *гнейсовый*, *декалькомани* (вариант к *декалькамания* – способ изготовления переводных изображений и переноса их на бумагу, дерево и т.п.), *капитель* (верхняя часть колонны), *кольчецы* (кольчатые черви), *ластоногие* (группа водных млекопитающих), *метрика* (учение о стихотворных размерах), *пирамидон* (жаропонижающее и болеутоляющее лекарственное средство), *приращенье* (вариант к *приращение*, грамматический термин), *пропилея* (парадный проход, проезд, образованный портиками и колоннадами) и т.п.

В употреблении специальной лексики Мандельштам также близок другим поэтам, чье творчество рассмотрено в Словаре. Например, грамматический термин *залог* отмечается и у Пастернака, причем, как видно из словарной статьи, у обоих поэтов данное слово оказывается в строках не единственным термином:

ЗАЛОГ [грамматическая категория] Забываю тягости и горести, И меня преследует вопрос: Приращенье нужно ли в аористе И какой залог «пепайдевкос»? *ОМ912* (340.3); Все наклоненья и залого Изжеваны до одного. Хватить бы соды от изжоги! Так вот итог твой, мастерство? *П936(II, 144)*.

Отметим вкратце активность поведения терминов единичного употребления в сти-

хах Мандельштама. Они вступают в звуковые отношения с соседними словами в строках – см., к примеру, рифмы: *бейся – гнейса, усонгим – по излогам, фронду – Жиронду, экседры – щедрый* и т.п.; вовлекаются в создание образных структур:

Он глядит в бинокль прекрасный Цейса...
Замечает все *морщины гнейсовые*;
Ты каждый раз, как иностранец,
Сквозь рощу портиков идешь;
Но только раз в году бывает *разлита*
В природе длительность, как в метрике
Гомера;

выносятся в название стихотворения, например «Импрессионизм».

К редким словам рассмотренных групп примыкает в лексиконе Мандельштама большая группа, объединяющая низкочастотную стилистически окрашенную лексику, причем и сниженную (разговорную и просторечную), и возвышенную (обычно это слова с пометами *книжн.*, *поэт.*). Так, в шестом томе Словаря пометой *разг.* выделены: *переменка, пилкать, побегушки* (в выражении *на побегушки*), *подбивать, почудив, прихотиться*; пометой *прост.*: *плоскоступье* (вариант к *плоскостопие*), *проворонить, проливень* (проливной дождь, ливень).

Отметим, что часто стилистически сниженные слова, а также конкретно-бытовая лексика у Мандельштама не столько несут эмоционально-экспрессивную окраску или служат для создания речи персонажа (как, например, у Маяковского или Цветаевой), сколько используются для беспристрастного описания акмеистического реального «вещного» мира:

ПЕРЕДУШИТЬ Высокий дом построил плотник дюжий, На свадьбу всех передушили кур, И растянул сапожник неуклюжий На башмаки все пять воловьих шкур. *ОМ919* (125.1)

ПОБЕГУШКИ [*разг.*; только: на побегушки] А иногда пушусь на побегушки В распаренные душевные подвалы, Где чистые и честные китайцы Хватают палочками шарики из теста. *ОМ931* (178).

Для акмеистического мироощущения Мандельштама характерна и поэтизация разного рода непозитичных слов, например:

ПОВЗВОДНО Падают вниз с потолка

светляки, Ползают мухи по липкой простыне, И маршируют повзводно полки Птиц голенастых по желтой равнине. *ОМ930 (167.2)*

ПРОЖИТОЧНЫЙ [необходимый для существования] Нам союзно лишь то, что избыточно, Впереди не провал, а промер, И бороться за воздух прожиточный – Эта слава другим не в пример. *ОМ937 (241.2)*

Пометой *книжн.* в названном томе сопровождаются слова: *первооснова, празднество, преемник*, а также *повелевающий, помраченный* и др., пометой *поэт.*: *песнетворец*. В стихах эти слова являются часто элементом возвышенно звучащего, не лишённого патетики контекста:

ПЕРВООСНОВА [*книжн.*] Останься пёной, Афродита, И, слово, в музыку вернись, И, сердце, сердца устыдись, С первоосновой жизни слито! *ОМ910, 35 (70.3)*

ПРАЗДНЕСТВО [*книжн.*] Я опоздал на празднество Расина! *ОМ915 (106)*.

Вместе с тем использование лексики с оттенком книжности и близкой к ней в шуточных и детских стихах способствует созданию комического эффекта:

ПЕРМАНЕНТНО Для девушки, как всякий знает, Сон утренний, источник слез, Головомойку означает, Но волосы не осушает Какой-то мощный пылесос, И перманентно иссякает – И вновь кипит источник слез. *Шутл. ОМ937 (363.2)*

ПЕСТУЕМЫЙ Плещут воды Флегетона, Стены Тартара дрожат. Съеден торт – определено – Пястом пестуемый яд. *Шутл. ОМ927-30 (354.1)*.

Говоря о редких словах книжно-литературного характера, следует упомянуть множество сложных эпитетов, среди которых отмечаются и индивидуально-авторские: *бескровно-кленовый, ложново-лосый, меднохвойный, мощно-одичалый, остроласковый, ремонтнодышащий, сумрачно-хлопчатый, тюрьмоподобный, тяжелокровный, черноголосый, черноглубый, черно-лазоревый, чернопахотный, черноречивый, широкопасмурный, широкохмурый* и др.; ср. и слова с первой частью, означающей количество: *семилатный, шестиклятвенный, тысяче-струйный*, также *многодонный, многоочитый*. Сложные эпитеты, с их очевидной отсылкой к античности, несколько

веков используются в русской поэзии для более точной характеристики художественного образа, для передачи новых смыслов и оттенков понятий, явлений, предметов. Обращением к таким эпитетам Мандельштам продолжает сложившуюся поэтическую традицию:

ЛОЖНОВОЛОСЫЙ [*нов.*] Я с вами разлучен, вас оценив едва: Длинней органных фуг – горька морей трава, Ложноволосяя – и пахнет долгой ложью. *ОМ937 (238.2)*

МЕДНОХВОЙНЫЙ [*нов.*] А посреди толпы, задумчивый, брадатый, Уже стоял гравер – друг меднохвойных доск, Трёхъярой окисью облитых в лоск покатый, Накатом истины сияющих сквозь воск. *ОМ934 (209.2)*

ЧЕРНОМРАМОРНЫЙ Глубоко в черно-мраморной устрице Аустерлица забыт огонек, Смертоносная ласточка шустрится, Вязнет чумный Египта песок. *ОМ937 (418.2)*.

Выше уже шла речь о том, как сквозь призму редких слов выражается акмеистическое «вещное» мироощущение Мандельштама. Оно передается и нечастотной собственно предметной лексикой: *бархатка* (для чистки обуви), *батарея* (парового отопления), *безделка* (*безделки разные*), *бидон*, *бинокль*, *верже* (сорт бумаги), *виссон* (дорогая льняная ткань), *замок*, *керосинка*, *мерлушка*, *резинка*, *рюмочка*, *скрепка*, *сотеиник*, *шумовка* и т.п.; ср. также прилагательные *чулочный, скобяной*. Каждое такое слово занимает свое место в конкретном стихотворении, играет определенную роль в выражении его общей семантики, однако всякий раз оно разными приемами акцентируется поэтом. См., например:

БАТАРЕЯ Квартира тиха, как бумага – Пустая, без всяких затей, – И слышно, как булькает влага По трубам внутри батарей. *ОМ933 (197.2)*

ВИССОН [дорогая льняная ткань, обычно белая или пурпурная] Императорский виссон И моторов колесницы, – В черном омуте столицы Столпник-ангел вознесен. *ОМ915 (103.2)*

КОДАК [фотоаппарат] Не разбирайся, шелкай, милый кодак. Покуда глаз – хрусталик кравчей птицы, А не стекляшка! *ОМ931 (181.1)*

СКРЕПКА Куда мне деться в этом январе? Открытый город сумасбродно цепок. От замкнутых я, что ли, пьян дверей? И хочется мычать от всех замков и скрепок. *ОМ937 (236.2)*.

Известно, что поэтический лексикон Мандельштама содержит значимую ономастическую составляющую. Среди имен собственных, отмечаемых в стихах поэта-акмеиста, немало и редких. Состав таких антропонимов и топонимов разнообразен, но в целом отражает пристрастия Мандельштама в сфере имен, связанных с мировой культурой, литературой, искусством: *Альциона* (или *Алкиона*; в др.-греч. мифологии – одна из плеяд, дочь Атланта; звезда в звездном скоплении Плеяд), *Веневитинов*, *Генуя*, *Делия* (условное имя возлюбленной римского поэта Тибулла), *Домби* (персонаж романа Ч. Диккенса «Домби и сын»), *Еврипид* (др.-греч. трагик), *Колхида*, *Лаон* (вариант к *Лан* – город во Франции, известный своими готическими соборами) и др. Немало здесь и производных от имен собственных прилагательных, расширяющих ономастическое пространство поэзии Мандельштама: *пиндарический* (прил. к Пиндар – др.-греч. поэт), *Приамов* (прил. к Приам; в др.-греч. мифологии – царь Трои; заметим, что само имя *Приам* из десяти поэтов встречается только у Цветаевой), *Птоломеев* (прил. к Птоломей, или Птолемей, – др.-греч. ученый, разработавший геоцентрическую модель мироздания), *пушкиновед* и др.

В отдельных случаях среди лексем, отмеченных в Словаре только у Мандельштама, встречаются целые гнезда. Такое гнездо образуют, например, слова *позвонок*, *позвоночник*, *позвоночный*. Наиболее узнаваемые строки – из стихотворения «Век», построенного на уподоблении своего века зверю:

Век мой, зверь мой, кто сумет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий *позвонок*? <...>
Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна. <...>

(Окончание текста см. на с. 54.)

Но разбит твой *позвоночник*,
Мой прекрасный жалкий век!

Редкость той или иной лексемы в словаре поэтического языка, в силу его ограничения материалом, в известной степени условна. Единичному употреблению в СЯРП могут соответствовать примеры в других источниках, однако обращение к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) подтверждает существование тенденции.

Так, лексема *первооснова*, единожды употребленная Мандельштамом, имеет 9 вхождений в поэтическом подкорпусе НКРЯ; *передушить* 8; *перманентно* нет (*перманентный* – 5, включая пример из Мандельштама); *плюсна* 2 (кроме Мандельштама – Нарбут); *подпружный* 2 (кроме Мандельштама – Волошин); *полбеда* 5; *предстательствовать* 6. Но поиск слов употребительных, согласно материалам СЯРП, дает числа совсем другого порядка. Например, лексема *певец*, представленная в Словаре 59 контекстами, встречается в поэтическом подкорпусе 2 565 раз.

Нами рассмотрены не все группы редких слов в поэзии Мандельштама. Однако нетрудно заметить, что это значительный лексический массив. Он расширяет пространство словаря поэта в разных направлениях, заостряет его культурный вектор, подчеркивает семантическую глубину и стилистическое многообразие. Словами редкого употребления создается неповторимая мозаичность художественной картины мира поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 5–64.

Бахвалова Т.В., Попова А.Р. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И.С. Тургенева. – Орел, 2007.

Гусева Л. Словарь устаревшей и диалектной лексики сказов П.П. Бажова // Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург, 2007. – С. 584–623.

Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX вв. / Сост. Л.А. Глинкина. – Оренбург, 1998.